

Успех в жизни

Р. МАРДЕНА

Перевод с английского

С. -ПЕТЕРБУРГ

Типография и Литография В. А. Тихонова, Садовая № 27.
1903 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава I. Выбор занятия	3
Глава II. Благоприятные случаи	6
Глава III. Бережливость по отношению ко времени	9
Глава IV. Трудолюбие	12
Глава V. Мужество	16
Глава VI. Твердость воли	18
Глава VII. Настойчивость	22
Глава VIII. Сосредоточение сил	26
Глава IX. Борьба с препятствиями	28
Глава X. Энтузиазм	31
Глава XI. Привычки	34
Глава XII. Здоровье	37
Глава XIII. Чтение	40
Глава XIV. Самообладание	42
Глава XV. Самоуважение	45
Глава XVI. Благовоспитанность	47
Глава XVII. Честность и правдивость	49
Глава XVIII. Веселость и доброжелательство	52
Глава XIX. Наша жизнь — такова, какой мы делаем ее	56

Дозволено цензурой, С. -Петербург, 4 декабря 1902 г.

Глава I

Выбор занятия

В мире не родится ни одного человека, работа которого не родилась бы вместе с ним.

Сидней Смит.

Никогда не покидайте вашего таланта. Будьте тем, чем вам предназначила быть природа, и вы будете иметь успех.

Лоуэлл.

Ваш талант и есть ваше призвание.

«Изучайте себя», говорит Лонгфелло, «и — самое главное — хорошенько подмечайте, в чем природа предназначила вам отличиться».

Все одинаково должны изучать свои сильные и слабые стороны, свои склонности и нерасположения. Справедливо было сказано, что ни один человек, понявший свои таланты, не будет ничтожной величиной, как не будет значительной величиной тот, кто не поймет их.

Следуйте вашей склонности. «Ни один человек не может постоянно и успешно бороться против своей натуры», говорит Бульвер, «и одно из первых правил успеха в жизни состоит в расположении нашей деятельности таким образом, чтобы можно было использовать наши природные склонности, вместо того, чтобы стараться противодействовать им».

Для вас имеется особое место и особая работа в мире. Найдите это место и выполните эту работу. Когда мы пытаемся делать то, к чему мы непригодны, наши лучшие силы остаются без применения. При этом наша сила воли и воодушевление падают; мы делаем неудовлетворительную работу, теряем уверенность в себе и приходим к заключению, что у нас нет способностей, потому что мы не можем выполнять того, что делают другие; словом — весь тон нашей жизни понижается.

Ни один человек не может достигнуть наивысшего возможного для него успеха, пока он не найдет своего места. Подобно локомотиву каждый человек силен лишь на своем пути, но слаб на всяком другом месте.

Выбирайте себе такое занятие, которое сосредотачивает наибольшую сумму вашего опыта и ваших вкусов. Вы будете тогда не только иметь подходящее занятие, но и широко пользоваться вашим искус

ством и вашими знаниями, которые составляют ваш истинный капитал.

Если человек берется за какую-нибудь свободную профессию, не имея влечения к ней, и просто потому, что его дедушка прославился в ней или его маменька так желает, то из этого ничего хорошего не выйдет.

Мир не требует, чтобы вы были непременно адвокатом, проповедником, доктором или ученым; он не предписывает, чем вам быть, а требует лишь, чтобы вы делали что-нибудь и были знатоком в своем деле. Если вы будете мастером в своем занятии, вы заслужите общее одобрение; всякую же неудачную, плохо выполненную работу мир осуждает.

Если нравящееся вам занятие скромно, возвысьте его, внося в него ваш ум, сердце и энергию. Изучите относительно него все, что может быть изучено. Дойдите до самого основания вашего занятия, если вы хотите взобраться на вершину его. Ничто не может быть названо мало важным, если это касается вашего занятия.

Работайте не как чернорабочий, словно из-под палки, а как артист, с пониманием красоты, присущей каждой честной работе.

Как говорит Эмерсон, земледелец, который видит лишь свой четверик и свою телегу и, кроме них, ничего другого целиком тонет в фермере, вместо того, чтобы быть человеком на ферме.

При выборе занятия не руководствуйтесь тем соображением, где вы можете более заработать денег, а выбирайте себе такую работу, которая вызовет к деятельности все ваши силы и разовьет вашу личность с наибольшей силой и полнотой. Может быть вы и не зарабатываете при этом столько денег, сколько могли бы заработать при другом занятии, но зато вы будете более человеком, а это выше всяких богатств.

«Наша награда в том пути, по которому мы идем, а не в самом призе».

Всякое занятие, которое вызывает хоть малейшее сомнение относительно его честности, почтенности или законности, тотчас же должно быть оставлено. Как бы ни привлекательна казалась вам та или другая будущность, но раз она не безупречна в нравственном отношении, она несет в себе зародыш неудачи в самом истинном смысле этого слова.

Как часто приходится видеть прекрасных, великодушных молодых людей, которые выходят из университета с большими надеждами и возвышенными целями, берутся за сомнительное занятие и через немного лет так изменяются, что их едва можно узнать. Некогда от

крытые, великодушные черты делаются ограниченными, узкими. Человек стал алчным, черствым, пошлым. Его общественные чувства и великодушные совершенно затерялись среди его маленьких корыстных планов, и он не заботится теперь ни о чем, кроме денег. Ради денег тут уродуется человеческая личность, калечится ум и подавляются все высшие стремления.

Джон Стюарт Милл дает следующее простое правило для выбора занятия: Неумолимо испытывай себя, пока не найдешь самой высокой вещи, на выполнение которой ты способен, и затем выполняй ее.

Лучший прием для выбора занятия — это задать себе вопрос: «Какое назначение дало бы мне человечество, если бы оно, приняв в соображение мои качества и способности, пожелало извлечь из моей деятельности наибольшую для себя пользу?»

Мы можем сделать возможно больше для самих себя, когда находимся в таком положении, в котором мы можем сделать возможно более для других; другими словами — мы успеваем наилучше для самих себя тогда, когда мы наилучше успеваем для других.

Глава II

Благоприятные случаи

Каждый день доставляет свой особый случай для совершения добра, которое никогда не могло быть совершено раньше и никогда не может быть совершено опять.

В. Берлей.

Не выжидайте каких-нибудь исключительных благоприятных случаев а пользуйтесь теми, какие имеются под руками: эти случаи часто оказываются очень благоприятными, если только вы будете действовать.

Один человек проходит через жизнь, совершенно не усматривая случаев для совершения чего-нибудь значительного, тогда как другой, идущий рядом с ним, из тех же самых обстоятельств выхватывает случаи для достижения великих результатов.

Д-р Джонсон хорошо сказал, что тот, кто выжидает случая сделать много добра сразу, никогда не сделает нисколько.

Люди беспечные, нерешительные, часто не усматривают смысла в самых счастливых случаях и спохватываются лишь тогда, когда бывает уже слишком поздно и когда им остается на собственном опыте убедиться в справедливости изречения, что мельница не может работать пробежавшею водою.

Слабые люди выжидают благоприятных условий, а сильные люди сами создают их.

Едва ли среди читателей этих строк найдется хоть один такой, который не был бы в лучших условиях для достижения успеха, чем Гарфильд, Франклин, Линкольн, Бичер Стоу и тысячи других прославившихся людей.

Гарфильд, например, лишился отца в самом раннем детстве и остался на попечении матери, жившей в бедной хижине в лесах Огио. Подросши, он через несколько лет начинает помогать своей матери рубить дрова и возделывать маленькую расчистку в лесу, а каждый свободный час проводил за книгами, которые добывал для прочтения. В шестнадцать лет он охотно берет место погонщика мулов на бичевнике канала. Скоро он пользуется случаем попасть в учебное заведение подметать полы и давать звонки и тем расплачиваться за свое учение там.

Его первый учебный год обошелся ему в семнадцать долларов. Когда он возвратился на следующий год, у него было в кармане всего

шесть пенсов, и эту монету он опустил в церковную кружку на следующий день. Он условился с одним плотником получать от него помещение, содержание, отопление и освещение за один доллар шесть центов в неделю, выговоривши себе при этом право работать по ночам и субботам в течение всего того времени, какое он сможет уделить. Гарфильд прибыл в субботу и острогал в этот день пятьдесят одну доску, заработавши этим один доллар и два цента. И вот таким путем он содержал себя. Когда этот учебный год закончился, то за покрытием всех расходов, у Гарфильда осталось еще три доллара. В следующую зиму он преподавал в низшей школе, получая двенадцать долларов в месяц и полное содержание.

Скоро мы находим его в Вильямском колледже, где он по прошествии двух лет получил ученую степень. В сенат штата он попал двадцати шести лет, а в конгресс — тридцати трех лет. Через двадцать семь лет после того, как Джемс Гарфильд поступил в колледж Гирама, оплачивая свое учение подметанием полов и даванием звонков, он сделался президентом Соединенных Штатов.

«Позвольте мне сказать вам относительно вашего неблагоприятного общественного положения», говаривал молодым людям д-р Тальмидж, «что вы находитесь теперь на одном уровне с теми, кто в конце концов достигнет успеха. Заметьте мои слова и вспомните о них лет через тридцать. Вы найдете тогда, что те люди, которые через тридцать лет от сегодняшнего дня будут известными ораторами, знаменитыми писателями и влиятельными общественными деятелями, находились в настоящее время на одном уровне с вами, ни на полвершка не выше вас, и в таких же стесненных обстоятельствах».

Люди, которые заправляют в настоящее время рычагами, приводящими мир в движение, все почти были бедны в молодости.

«Бедность», сказал Джемс Гарфильд, «очень неудобна, как я могу удостоверить по личному опыту, но в девяти случаях из десяти лучшая вещь для молодого человека — это быть выброшенным за борт и быть вынужденным плыть ради своего спасения».

«То, что мы называем поворотным пунктом в жизни человека», говорит Арнольд, «есть просто подсчет и приведение к результату предшествовавшей подготовки. Случайные обстоятельства сами по себе не имеют значения; они ценны лишь для людей, обладающих надлежащей подготовкой. Для молодого хирурга, например, наступают время, когда после продолжительного и терпеливого учения он внезапно сталкивается со своею первой критической операцией. Знаменитый хирург отсутствует, а время не терпит, так как дело идет о жизни и смерти. Его благоприятный случай представился ему. Может

ли он заполнить место великого хирурга и сделать его работу? Это уже он сам должен решать».

Благодаря имеющемуся в мире обилию работы, ждущей своего выполнения, каждая минута доставляет нам какой-нибудь новый благоприятный случай. Зоркие глаза везде увидят благоприятные случаи для совершения добра; чуткие уши не затруднятся различить крики тех, кто погибает из-за отсутствия помощи; великодушное сердце никогда не будет испытывать недостатка в достойных предметах для проявления своих качеств, и щедрые руки никогда не будут иметь недостатка в благородной работе.

Глава III

Бережливость по отношению ко времени

Любишь ли ты жизнь? Тогда не трать напрасно времени, потому, что это — тот материал, из которого она состоит.

Франклин.

Бережливость по отношению ко времени вознаградит вас с такими процентами, которые превзойдут самые радужные ваши ожидания, а расточение времени принизит вас, как в умственном, так и в нравственном отношении, неизмеримо ниже самых мрачных ваших ожиданий.

Гладстон.

Человек, молодой годами, может быть стар часами, если он не теряет времени.

Бекон.

Дни приходят к нам как замаскированные друзья, принося бесценные дары от неведомой руки; но если мы не пользуемся их приношениями, они молча уходят и никогда уже не возвращаются. Каждое последовательное утро нам приносятся все новые и новые дары, но если мы не сумели воспользоваться теми, которые были принесены вчера и третьего дня, мы делаемся все менее способными пользоваться ими, пока, наконец, способность оценивать их и пользоваться ими не исчезает совсем.

Время — это сырой материал, из которого мы можем делать все, что захотим. Не тратьте слишком много времени на размышления о прошлом и на мечты о будущем, а схватывайте настоящий момент и извлекайте из него возможную пользу.

Те самые часы, которые вы беззаботно расточаете, в случае использования их могли бы обеспечивать ваш успех. Какие величественные памятники созидались бедными юношами, находившимися в неблагоприятных условиях, из таких отрывков времени, которые совершенно не ценятся многими из нас.

Михаил Фарадей вначале мог заниматься производством физических опытов лишь в свободные часы, остававшиеся у него от занятия переплетным ремеслом. Гемфри Дэви приобрел известность, занима

ясь физикой в свободные моменты на чердаке аптекарского магазина, в котором он служил.

«Не существует никакого такого дела или занятия», говорит Уитенбах, «которое не позволяло бы человеку уделять каждый день несколько времени научным занятиям своей юности».

«Ссылка на отсутствие времени для пополнения нашего образования», говорит Матью Арнольд, «тотчас же окажется неосновательной, как только мы серьезно начнем исследовать наше распределение времени».

«Как я заметил», говорит Берк, «леность гораздо более заполняет время человека и менее позволяет ему быть своим господином, чем какое бы то ни было занятие».

Какой человек настолько занят, чтобы у него не нашлось ежедневно одного часа для пополнения своего образования? А между тем какие чудеса были совершаемы в «один час ежедневно!»

Один час ежедневно, отнятый от пустого времени препровождения и употребленный с пользой, дал бы человеку даже с заурядными способностями возможность вполне овладеть любой отраслью науки и сделал бы невежественного человека образованным по прошествии нескольких лет. В один час можно прочесть внимательно двадцать страниц, что составит в год свыше семи тысяч страниц или семнадцать больших томов. «Один час в день» в течение двенадцати лет больше чем уравнивает время, уделяемое для занятий в течение четырехгодичного курса в университете. «Один час ежедневно» может составить всю разницу между простым существованием и полезной, счастливой жизнью. «Один час в день» может сделать и делал неизвестного человека знаменитым, полезным человеком, благодетелем человечества. Представьте себе теперь ту великую возможность, которая кроется в двух, четырех или даже шести часах в день, растрачиваемых бесполезно молодыми людьми обоего пола в беспокойной погоне за развлечениями и забавами!

Чарльз Фрост, знаменитый сапожник из Вермонта, решил посвящать один час в день научным занятиям и в результате сделался одним из самых выдающихся математиков в Соединенных Штатах приобретая, сверх того, завидную известность и в других областях знания.

Многие великие люди создали свою славу, пользуясь такими промежутками времени, которые большинством людей растрачиваются совершенно бесцельно.

Гарриет Бичер-Стоу писала свою знаменитую книгу «Хижина дяди Тома в промежутках между многочисленными хлопотами по хозяйству».

Лонгфелло переводил «Ад» урывками по десять минут в день, пока варился его кофе, и продолжал так работать в течение нескольких лет до окончания работы.

Гуго Миллер усердно работал в качестве каменщика, находил время читать научные книги и записывать сведения, выносимые им из каменных глыб, с которыми ему приходилось иметь дело.

Бернс написал многие из своих наилучших поэм в то время, когда работал на ферме.

Линкольн изучал право в свободные часы, когда занимался межеванием, а начальные ступени прошел без всякой помощи в то время, когда караулил склад товаров.

Джон Стюарт Милл много сделал своей лучшей писательской работы во время служения клерком в Ост-Индской компании.

Великие люди всегда были очень экономны по отношению ко времени.

Цицерон сказал: «То время, которое другие посвящают зрелищам и развлечениям или даже умственному и телесному покою, я отдаю на изучение философии».

Дни Александра Гумбольдта были так заняты разными делами, что он занимался наукой по ночам или ранним утром, когда другие еще спали.

Гладстон постоянно носил в кармане книгу с той целью, чтобы какой-нибудь непредвиденный свободный момент не пропал у него напрасно. Каким укором является такая жизнь для множества молодых людей обоего пола, которые тратят напрасно целые месяцы и даже годы!

Время — деньги. Мы, конечно, не должны слишком скряжничать с ним, но не должны и тратить напрасно часов, как не разбрасываем денег.

Хорошо было сказано, что утраченное богатство может быть снова приобретено деятельностью и бережливостью, утраченное знание — учением, утраченное здоровье — воздержанной жизнью и чтением; но потерянное время уходит безвозвратно.

При потере часа, — как она ни дурна сама по себе, — хуже всего не сама потеря времени, а расточение силы: вследствие лености нервы как бы «ржавеют», и расточение времени подразумевает расточение энергии, расточение жизненной силы и расточение характера в безалаберной жизни.

Каждый день есть маленькая жизнь, а вся наша жизнь есть лишь повторенный день.

Глава IV

Трудолюбие

Боги продают все и каждому за справедливую цену.

Эмерсон.

Секрет успеха состоит не в чем ином, как в выполнении того, что вы можете делать хорошо, и в хорошем выполнении того, что вы делаете, без всякой мысли о славе.

Лонгфелло.

Во всех делах перед началом должно быть произведено прилежное приготовление.

Цицерон.

«Существует лишь один способ достигнуть «превосходства», сказал Сидней Смит, «и это — упорный труд».

Желание достигнуть успеха у всех есть, но этого еще не достаточно. Да и кто был бы удовлетворен таким успехом, для достижения которого нужно лишь простое желание?

Успех есть результат упорной работы. Вы можете иметь все, что пожелаете, если согласитесь заплатить надлежащую цену. Вы жаждете образования? А достаточно ли вы любите ученье, подобно Аврааму Линкольну пройти пешком сорок миль ради получения книги, которую не можете купить? Вы хотели бы быть оратором? А согласились ли бы вы, подобно Демосфену, посвятить несколько месяцев на одно упражнение своего голоса?

Трудность работы находится в прямом соответствии с благородством и высотой цели.

Для лени так же мало надежды на достижение действительного успеха, как мало надежды на то, чтобы отдельные буквы, беспорядочно брошенные на пол, сами собой расположились в какое-нибудь великое произведение.

Если мы ленивы и неподвижны по выбору, то мы будем бессильны и слабохарактерны по необходимости.

«Я смотрю на леность, как на особый вид самоубийства», писал своему сыну лорд Честерфильд, «потому что вследствие ее человек в сущности уничтожается, хотя его животные стремления и остаются».

Вальтер Скотт в письме к своему сыну-школьнику писал: «Я не могу достаточно сильно запечатлеть в твоём уме, что нет ничего цен

ного, что можно было бы иметь без труда. Если мы небрежно относимся к весне нашей жизни, то наше лето будет бесплодно, нашей жатвой будет сорная трава, а зима нашей жизни будет неуважаема и одинока».

Труд есть единственное действительное обеспечение истинного успеха. Боги все продают за него и ничего — без него.

«Трудолюбие есть мать удачи», сказал Франклин.

«Гений лишь начинает великие работы, а оканчивает их один труд», говорит Жубер.

Многие желали бы добиться успеха, так сказать, «со скидкой», за удешевленную цену. Одна цена для всех — это, по их мнению, слишком дорого. Они жаждут попасть на золотую площадку лестницы успеха, но отнюдь не желают взбираться по неудобным ступенькам, по которым только и можно попасть туда. Они жаждут достигнуть мастерства, минуя ученичество.

Не мало молодых людей впадало в роковое для них заблуждение, полагая, что они могут заменить серьезное учение и упорный труд развязностью языка или бойкостью пера.

Для достижения успеха значительная часть жизни должна быть затрачена на кладку фундамента, скрытого от глаз.

Лонгфелло сказал, что научные занятия поэта играют роль находящихся под водой быков моста:

они не видны, но существенны, так как на них покоится его поэтический труд.

Крупный недостаток нашего века — это отсутствие основательности. Как редко приходится встречать молодого человека, который был бы готов уделить достаточно времени на подготовку к своей работе!

Не рискуйте возводить здание всей вашей жизни на фундаменте, сделанном в течение одного дня.

В каждом отделе труда разница между первоклассной и посредственной работой в немалой степени зависит от той тщательности, с которой выполняются мельчайшие подробности.

Микель Анджело сказал: «Совершенство создают мелочи, но само совершенство не мелочь».

Человек, которому не свойственно внимательное отношение к подробностям и который чувствует себя «выше мелочей», никогда не достигнет успеха ни в чем.

То, что сделано хорошо, сделано достаточно скоро.

Один год систематического мышления имеет большую цену, чем целый университетский курс, если он состоит лишь в поглощении громадного количества непродуманных сведений.

Ваша действительная сила и влияние сегодняшнего дня определяются умственным и моральным богатством, которое вы накопили в течение всей вашей жизни; и в этом вы убедитесь к вашему удовольствию или огорчению, когда подвергнетесь какому-нибудь серьезному испытанию. Вы можете извлечь из вашего запаса учения и мужества лишь то, что вы накопили, отнюдь не больше. В каждом кризисе вы устоите или падете в зависимости от ваших запасных сил.

Мирабо лишь в сорокалетнем возрасте обнаружил свои обширные знания и такт и разом сделался величайшим оратором и государственным человеком своего века. Его общественная деятельность продолжалась лишь двадцать три месяца, но в течение этого времени он сделал больше работы, чем большинство великих людей совершило во столько же лет.

Вы не можете в любой момент разом вспыхнуть деятельностью, если огонь не тлел внутри вас раньше.

Тот, кто заполняет свои свободные минуты усердным учением, будет иметь в своем распоряжении большие запасы, на которые сможет опереться при возникновении надобности.

С чувством, сродным страху, смотрим мы на движение плавучей ледяной горы, подчиняющейся лишь глубинным течениям океана. Сходно с этим и непреклонное, все преодолевающее шествие вперед великого человека. Но как ледяная гора способна неуклонно держаться своего пути только потому, что семь восьмых ее объема находятся ниже волн, бессильно шумящих вокруг нее, так и основа силы великих людей скрыта от глаз наблюдателя.

«Вообще говоря», сказал Сидней Смит, «жизнь всех истинно великих людей была жизнью напряженного и непрерывного труда. Они обыкновенно проводили первую половину жизни в полной неизвестности, незамечаемые, непонимаемые или осуждаемые слабыми людьми, — думая, когда другие спали; читая, когда другие предавались разгулу. А потом, когда наступало их время и какая-нибудь маленькая случайность доставляла им их первый случай, они вырывались в свет и славу общественной жизни, богатые затраченным временем и мощные вследствие работы ума».

Достижение великого успеха в свободных профессиях часто подобно медленному росту американского алоэ: в течение многих лет почти незаметное растение вдруг выкидывает стебель в десять-пятнадцать футов, обвешанный бесчисленными цветами.

Изречение — «Труд преодолевает все» — так же справедливо для настоящего времени, как и для того, когда впервые было произнесено римскими мудрецами.

Джон Рескин сказал: «если у вас есть талант, — трудолюбие улучшит его, а если у вас нет таланта, трудолюбие восполнит этот недочет».

Микель Анджело сказал о Рафаэле: «Он более обязан своему трудолюбию, чем своему гению».

Терпение превращает лист шелковицы в атлас.

«Не существует искусства или науки настолько трудных», сказал Кларендон, «чтобы ими нельзя было овладеть при помощи трудолюбия».

Нужно ли человеку знать что-нибудь, кроме азбуки, для того, чтобы изучить все другое, что он пожелает?

Глава V

Мужество

Храбрость в опасности — половина битвы.
Плавт.

Счастье покровительствует смелым.
Драйден.

Друзья, ни в какую непогоду не спускайте трусливо парусов, а величественно входите в гавань или смело пускайтесь в открытое море.
Эмерсон.

Вещь, наиболее желательная, как во времена мира, так и во времена войны, как в частной жизни, так и в общественной, — это мужество.

Мужество, наиболее потребное в мире, — не героического рода. Наиболее велика потребность в мужестве быть честным, в мужестве говорить правду, в мужестве не стыдиться честной бедности, в мужестве быть верным самому себе, не обращая внимания на одобрение или порицание мира и не отступая от защиты правого дела только потому, что оно не пользуется сочувствием в обществе и может сделать человека мишенью для стрел остроумия каждого.

Пусть неприязненная критика будет для вас тем, чем порыв ветра является для орла, — силой, которая поднимает его выше.

Нужно мужество и отвага быть разбитым, непонятым, осмеянным и стоять одному против всего мира, но:

«Те — рабы, кто не смеет стоять за правду с двумя или тремя».

«Страх делает человека рабом других», сказал Чаннинг.

Страх насмешек и боязнь унижения часто удерживают человека от предпринятая решительных шагов, даже когда это явно оказывается его долгом.

Из боязни, чтобы нас не нашли смешными, мы часто ведем смешную жизнь.

«Великое множество талантов погибает в мире», говорит Сидней Смит, «вследствие недостатка небольшого мужества. Каждый день в могилу сходят люди, которым робость помешала сделать первое усилие и которые, если бы только их можно было побудить к совершению первого шага, прошли бы значительное расстояние по пути к славе».

Твердая решимость что-нибудь сделать есть половина успеха. Считать какую-нибудь вещь невозможной — значит сделать ее таковою.

Вас озабочивает чье-либо противодействие? Работайте; что такое ваш противник, как не такой же человек? Завоевывайте ваше место в мире.

«Зрелый и хорошо дисциплинированный талант всегда может рассчитывать на спрос», сказал Вашингтон Ирвинг. «Но он не должен прятаться дома и ждать, чтобы его разыскивали».

«Сокрытое превосходство мало отличается от зарытого ничтожества», сказал Гораций.

В этом занятом мире у людей нет времени выискивать в темных уголках скрывающиеся достоинства. Люди предпочитают брать человека по его собственной оценке, пока он не окажется недостойным. Мир восхищается храбростью и мужеством и презирает молодого человека, который ходит «с видом непрерывного извинения за непростительный грех своего пребывания на свете».

Неуверенность в себе есть причина большинства наших неудач. При уверенности в силе, бывает сила; кто же не имеет уверенности в себе, тот слаб, какую бы силою он не обладал.

«Доверие к себе есть важная часть характера», говорит Михаил Рейнольдс. «Это она выиграла олимпийские венки; это оно устанавливает родство с людьми, которые отстаивали свое божественное право сохраняться в памяти мира».

Весь мир любит отвагу. В робости нет ничего привлекательного. Мир восхищается человеком, который никогда не отступает перед неожиданными затруднениями, который спокойно, терпеливо и смело схватывается со своей судьбой и который умирает, если это нужно, на своем посту.

Смелость всегда пользуется уважением.

Влиянием отважного человека создается как бы эпидемия благородного рвения во всех окружающих его.

Имейте мужество выказывать ваше уважение к честности, — под какую бы внешностью она ни была, — и ваше презрение к нечестности и двуличию, кем бы они ни проявлялись.

«Что бы люди ни думали о вас», сказал Пифагор, «делайте то, что вы считаете справедливым. Будьте одинаково равнодушны к порицанию и к похвале».

Имейте мужество жить согласно вашим убеждениям.

Глава VI

Твердость воли

Людам не достает не силы, а воли.

Виктор Гюго.

Самые жалкие неудачи в жизни — это те, которые происходят от непроявления силы и воли, необходимых для успеха.

Гуипль.

Как люди во тьме инстинктивно дают дорогу тому, кто может проложить ее себе силой, так и в жизни люди расступаются перед тем, кто энергично стремится к своей цели.

Дуайт.

«Можно ли переправиться по этой тропинке? — спросил Наполеон инженеров, осматривавших опасный Сан-Бернардский проход. — «Может быть это и не выходит из пределов возможного», — нерешительно ответили ему. — «Тогда вперед», — сказал Маленький капрал, не обращая внимания на отчет о затруднениях, по-видимому непреодолимых.

Англия и Австрия презрительно смеялись над мыслью о переправе через Альпы, — где «никогда не проехало ни одно колесо, да и не могло проехать», — о переправе армии в шестьдесят тысяч человек, с тяжелой артиллерией и с большим обозом; но через четыре дня эта армия маршировала по равнинам Италии.

История доставляет тысячи примеров, где решительные люди достигали результатов, считавшихся совершенно невозможными.

«Для человека, который умеет хотеть, нет ничего невозможного», сказал Мирабо. «Это необходимо? Тогда это должно быть сделано, — вот единственный секрет успеха».

«Каким образом», спросили однажды Уолтера Ралея, «Вы совершаете так много в столь короткое время?» — «Когда мне предстоит что-нибудь делать, я иду и делаю это», — был ответ.

Тысячи людей обязаны своими неудачами в жизни просто мешканию.

«Пока мы размышляем, когда нам начать, часто бывает уже слишком поздно действовать», сказал Квинтилиан.

Выполнение дела подобно посеву зерна: если он не будет произведен как раз в надлежащее время, он никогда уже не будет во время.

Лето вечности недостаточно продолжительно, чтобы мог вызреть плод запоздалого деяния.

Нет другой привычки, которая бы так укоренялась, как привычка нерешительности, и была бы так вредна. Человек пропускает всю жизнь и только потому, что никогда не может придти к решению, за что ему приняться. «Для совершения в этом мире чего-либо достойного совершения», сказал Сидней Смит, «мы не должны стоять и дрожать на берегу, раздумывая о холоде и опасности, а должны смело бросаться в воду и затем пробиваться вперед, как умеем. Не годится постоянно взвешивать риск и благоприятствующие обстоятельства. Все это было бы хорошо разве до потопа, когда человек мог бы совещаться со своими друзьями относительно какого-нибудь задуманного издания лет полтора и затем еще в течение шести или семи столетий следить за его успехом; но в настоящее время, если человек будет все ждать, сомневаться, колебаться, советоваться со своими родными братьями, со своими двоюродными братьями и со своими ближайшими друзьями, то в один прекрасный день он может открыть, что ему уже шестьдесят пять лет и что он так много потерял времени на совещания со своими двоюродными братьями и ближайшими друзьями, что у него не остается времени для следования их советам».

Нерешительному человеку всегда приходится играть роль не человека самостоятельного, а чьего-либо спутника. Он всегда находится под влиянием того человека, который говорил с ним последний. Если он принимает какое-нибудь решение, то следует ему лишь до тех пор, пока кто-нибудь не выскажет возражения.

Человек должен управлять своим делом, а не допускать, чтобы оно управляло им.

Постоянная нерешительность и колебания в конце приводят к тому, что человек выпускает из своих рук управление своей жизнью.

Ничто не может так помочь нерешительному человеку, как усвоение привычки действовать немедленно. Для человека будет гораздо лучше составлять окончательные решения и быстро выполнять их, хотя бы даже в них было что-нибудь неправильное, чем допускать развитие у себя привычки постоянно взвешивать, соображать и откладывать. После того, как это правило будет соблюдаться в течение некоторого времени, хотя бы машинально, у человека начнет зарождаться доверие к своим решениям и станет развиваться новый дух самостоятельности.

«Нерешительность хуже опрометчивости»; говорит Фельтам. «Охотник, который стреляет, как умеет, когда-нибудь научится попа

дать в цель; тот же человек, который при виде дичи только ахает, но совсем не стреляет, никогда не научится попадать в цель».

Ленивые, беспечные люди не думают, что привычка все откладывать откладывает их мужество, их характер, их успех.

Скотт не раз бывало предостерегал юношей от привычки лентяйничать, которая вкрадывается через каждую трещину незанятого времени и часто губит блестящую будущность. «Вашим девизом», говаривал он, «должно быть — «делай немедленно». Это единственный способ переломить склонность к лености».

Энергия, потраченная на откладывание сегодняшней обязанности на завтра, часто была бы достаточна для выполнения самой работы.

«Человек, не выполняющий своих решений, пока они еще свежи», сказала Мария Эджворт, «не может иметь на них никакой надежды впоследствии, — они будут рассеяны, растеряны в суеде и торопливости мира или утонут в трясине беспечности».

Ничто не действует так разрушительно на характер, как утрата человеком доверия к своим решениям, вследствие того, что ему слишком часто приходилось оставлять свои решения невыполненными.

Успех в жизни главным образом зависит от силы воли. Старайтесь, поэтому, вырабатывать в себе решительную, твердую волю и не допускайте, чтобы ваша жизнь подобно засохшему листу носилась из стороны в сторону от всякого дуновения ветра.

Никакие обстоятельства не могут продолжительное время держать в заточении решительную волю.

«Тот, у кого твердая воля», сказал Гете, «формирует мир для себя».

«Ничего ценного или значительного не может быть совершено с половиной ума, с нерешительным сердцем или с хромым старанием», говорит Барроу.

Человек, желающий добиться успеха, должен, подобно Цезарю, сжигать за собой корабли, чтобы сделать для себя отступление невозможным.

«Ни одно великое деяние не было совершено нерешительными, которые во всем домогаются несомненного», говорит Джордж Элиот.

Тот, кто решился на какое-нибудь великое дело, этой самой решимостью преодолел первое крупное препятствие к выполнению его.

Тому, кто готов заплатить цену победы, нечего бояться поражения.

«Тот, кто решил победить или умереть, редко бывает побежден», говорит Корнель.

«Такая благородная решимость погибает с трудом».

«Не существует человека на земле, который не обладал бы способностью делать добро», говорит Бульвер. «Ну, а что же больше этого может делать писатель, оратор или какой-нибудь другой общественный деятель? Чего людям не хватает, так это не силы совершить, а воли работать».

Фауэль Бекстон в письме к одному из своих сыновей говорит: «Я уверен, что каждый молодой человек может быть в значительной мере тем, чем захочет».

Как много могло бы быть великанов среди тех людей, которые в настоящее время оказываются карликами! Сколько умирает людей, «унося в себе всю свою музыку!»

Глава VII

Настойчивость

Победа принадлежит более настойчивому.

Наполеон.

Рассказывая об одном сражении, Грант однажды сказал: «Я думал, что приближаюсь к поражению, но все-таки продолжал держаться».

Это-то вот стремление крепко держаться и выигрывает битву, как на поле сражения, так и в жизни.

Победу доставляет последнее усилие.

«Если я, созидаю гору», сказал Конфунций, «прекращу работу перед помещением одной последней корзины земли на вершину, то я все равно не достиг своей цели».

При обладании настойчивостью даже человек с маленькими способностями часто достигает успеха там, где гений без настойчивости оказался бы несостоятельным.

«Прилежание есть мать удачи», — сказал Франклин.

Великие писатели, например, всегда отличались настойчивостью в преследовании своей цели. Их произведения не выливались у них прямо готовыми, но вырабатывались шаг за шагом, пока все следы их усилий не изглаживались окончательно.

«Легкое писание», сказал Шеридан, «обыкновенно бывает чертовски тяжелым чтением».

Руссо говорит, что он добился легкости и изящества своего слога лишь путем бесконечных помарок и поправок. Записные книжки великих писателей, вроде Гауторна и Эмерсона, свидетельствуют о той громадной черной работе целых лет, вложенной в книгу, которая может быть прочтена в один час. Адам Смит употребил десять лет на свой труд «Богатство народов». Гиббон двадцать лет работал над своим «Падением Римской Империи». Ной Уэбстер потратил тридцать шесть лет на свой словарь. Джордж Банкрофт двадцать шесть лет трудился над своей «Историей Соединенных Штатов».

«Единственная заслуга, на которую я предъявляю притязание», сказал Гуго Миллер, «это терпеливое исследование, — заслуга, в которой каждый желающий может соперничать со мной или даже превзойти меня. Эта способность при надлежащем развитии ее может привести к более необычному развитию идей, чем даже сам гений».

Гете говорит, что прилежание есть девять десятых гения.

«Все произведения человеческой деятельности, на которые мы смотрим с похвалой и удивлением», говорит Джонсон: «представляют собою примеры могущества настойчивости. Благодаря ей содержимое каменоломни сделалось пирамидой, а отдаленные страны связаны каналами. Если бы человек сравнил действие отдельного удара киркой или лопатой с конечным результатом, то он был бы поражен громадностью разницы; однако именно эти маленькие действия, непрерывно повторяясь с течением времени преодолевали величайшие препятствия, сравнивали горы и связывали океаны».

«Человек, который допускает изменение своих решений по первому совету друга», сказал Уильям Уарт, «и переходит от плана к плану, кружась во все стороны подобно флюгеру, никогда не сможет совершить чего-нибудь великого или полезного.

Вместо того, чтобы двигаться вперед, он в лучшем случае будет топтаться на одном месте, а всего вероятнее — будет идти вспять».

Не найдется ни одного такого занятия, которое не представляло бы много трудностей, иногда почти подавляющих. Человек, который при встрече с затруднениями бросает свое дело и хватается за другое, никогда не достигнет успеха. Причина неуспешности таких людей просто та, что они никогда не идут в чем-нибудь достаточно далеко, чтобы выйти за пределы черной, подготовительной работы и достигнуть того пункта, с которого занятие делается приятным и доставляет вознаграждение за труд. В действительности такие люди всю свою жизнь затрачивают на изучение начальных ступеней различных занятий.

Уверьтесь, что ваше занятие, ваше призвание в жизни, хорошее, честное, и затем будьте непоколебимо верны ему. Вложите весь ваш ум, ваши силы, сердце и душу в вашу деятельность и вы добьетесь успеха для вашего дела.

Разверните всю вашу энергию, поучитесь лишь однажды выполнять вещь во всей ее полноте и вы сделаетесь другим человеком.

Хорошим примером настойчивости может служить устройство трансатлантического телеграфного сообщения.

Кир В. Фильд, удалившись от дел с большим состоянием, жил на покое, когда им овладела мысль, что при помощи кабеля, проложенного по дну Атлантического океана может, быть установлено телеграфное сообщение между Европой и Америкой. Он отдался этому предприятию со всеми силами своего существа и добился для своего дела помощи британского правительства и правительства Соединенных Штатов. Когда было уложено на британское судно «Агамемнон», и на «Ниагару», судно Соединенных Штатов. Когда было уложено

пять миль кабеля, он застрял в машине и разорвался. При второй попытке было благополучно уложено более двухсот миль кабеля. Ночью, когда судно двигалось со скоростью четырех миль в час, а кабель разматывался со скоростью шесть миль, тормоз был применен слишком быстро и как раз в этот момент судно сильно качнулось; в результате кабель опять перервался.

Фильд не сдался. Было заказано еще семьсот миль кабеля и более хорошая машина для спуска его. На середине океана две половины кабеля были скреплены и пароходы, спуская кабель, начали удаляться друг от друга, — один, направляясь к Ирландии, другой — к Ньюфаундленду. Прежде чем суда отошли друг от друга на три мили, кабель разъединился. Его снова скрепили. Но когда суда разошлись на семьдесят миль, ток прервался. В третий раз кабель был скреплен, и его было проложено около двухсот миль, когда он разорвался на расстоянии двадцати футов от «Агамемнона», после чего это судно вернулось в Ирландию.

Директора компании упали духом, общество и капиталисты стали относиться к этому делу недоверчиво, и если бы не непреклонная энергия Фильда, то это предприятие было бы оставлено. Но благодаря его настойчивости была сделана третья попытка и с таким успехом, что весь кабель был уложен без повреждений и несколько сообщений прошло почти через семьсот миль океана, когда ток внезапно прервался.

Вера в возможность выполнения этого предприятия исчезла теперь, по-видимому, у всех, за исключением Фильда и одного или двух его друзей. Но они хлопотали с такою настойчивостью, что убедили людей снабдить их средствами для новой попытки, хотя у тех почти совсем уже не было надежды на успех.

Новый и лучшего качества кабель был погружен на громадный пароход «Грет-Истерн», который медленно направлялся в море, спуская кабель по мере своего движения. Вначале все шло прекрасно, но на расстоянии шестисот миль от Ньюфаундленда кабель перервался и погрузился на дно. После нескольких тщетных попыток поднять его, предприятие было оставлено на год.

Фильд снова с жаром принялся за работу, организовал новую компанию, сделал новый кабель, значительно превосходивший все прежние, и 13 июля 1866 года начал новую попытку, которая закончилась следующей телеграммой из Ирландии в Нью-Йорк:

«Мы прибыли сюда сегодня в девять часов утра. Все хорошо. Слава Богу! Кабель проложен и находится в полной исправности.

Кир В. Фильд.»

Прежний кабель был поднят, скреплен, продолжен, и оба эти кабеля в полной исправности работают до сих пор.

«Никогда не отчаивайся», говорит Берк, «а если ты уже впал в отчаяние, то продолжай работать и в отчаянии».

«Когда вы попадете в тиски и все идет против вас, так что, по видимому, вы не можете держаться ни минуты долее, никогда не сдавайтесь в таких случаях, потому что как раз тут-то и начнется поворот к лучшему», сказала Гарриет Бичер Стоу.

«Низший уровень отлива есть момент наступления прилива», — сказал Лонгфелло.

Глава VIII

Сосредоточение сил

Лишь сосредоточение побеждает.

К. Бекстон

Клин разорвет скалу, но для этого его конец должен быть острым и цельным; если же конец будет раздвоенный, то сам будет разбит в куски и ничего не разорвет.

Карлейль.

«Самое слабое из живущих созданий», говорит Карлейль, «посредством сосредоточения своих сил на одной цели может, совершить кое-что; тогда как самое сильное, при разбрасывании своих сил на многие цели, может оказаться несостоятельным в совершении чего бы то ни было. Непрерывно падающие капли пробивают себе путь в самой твердой скале; тогда как стремительный поток, бегущий через нее с оглушительным шумом, не оставляет за собою никакого следа».

Великанами нации всегда были люди сосредоточенной деятельности, которые били словно молотом по одному месту, пока не добивались своей цели.

Громадное различие между людьми в отношении достигнутых ими результатов обуславливается в значительной мере разницей в их способности сосредотачивать все свои силы в одной точке.

«Я принимаюсь за свою работу так», сказал Чарльз Кинголей, «словно в данное время на свете не существует ничего другого, — вот секрет всех успевающих работников».

«Когда Диккенса спросили о секрете его успеха, он сказал: «Я никогда не дотрагиваюсь до чего такого, чему я не мог бы отдать всего себя».

Не много вещей делать посредственно, а одну — превосходно, — вот требование нашего времени. Тот, кто разбрасывает свои силы в наш век сосредоточенной, напряженной деятельности, не может рассчитывать на успех.

Старинная пословица гласит: «Мастер одного ремесла прокормит жену и семерых детей, а мастер семи ремесел не прокормит и одного себя».

«Наметьте себе цель», говорит Уотерс, «составьте план и затем работайте для осуществления этой цели; изучите относительно ее все, что вы можете, и вы наверное достигнете успеха».

Тот, кто делает зигзаги на своем пути, — «зевает», как говорят матросы о судне, — сначала отклоняясь в одну сторону, потом — в другую, почти наверное будет оставлен позади, прежде чем он пройдет половину своего жизненного пути.

Многим людям не удастся сделаться великими просто вследствие того, что они раскалывают себя на несколько маленьких, предпочитая быть посредственными работниками на все руки, чем быть мастером в чем-нибудь одном.

Если мы вступаем в жизнь без ясно определенной цели, то для нас не может оказаться счастливого стечения обстоятельств. Ветер никогда не бывает попутным для того моряка, который не знает, куда ему плыть.

Сосредоточить рассеянную жизнь и дать ей направление — не легкий труд, но жизнь, не имеющая определенной цели, не может быть ни полезной, ни счастливой.

Роберт Оуэн сообщает в своем жизнеописании интересное признание одного человека относительно значения цели в жизни. Это был друг его отца, получивший по наследству громадное состояние, прекрасно образованный, счастливо женившийся, окруженный подрастающими детьми, и вообще имевший все, что могли дать здоровье, богатство, досуг и вкус.

Находясь у него как-то в гостях в загородном доме, в одном из прекраснейших парков Англии, Роберт Оуэн сказал хозяину: «Мне кажется, что если я когда-нибудь встречал человека, который ничего не может больше пожелать, так это вы. Не правда ли, что вы вполне счастливы?» — «Счастлив! Ах, мистер Оуэн, я совершил роковую ошибку в моей юности и дорого поплатился за нее. Я начал жизнь без всякой определенной цели. Я сказал себе: «Я имею все, ради чего бьются другие. Из-за чего мне хлопотать?» Я не знал того проклятья, которое обрушивается на тех, кто никогда не боролся ради чего-нибудь. Мне следовало бы найти для себя какое-нибудь дело, тогда я мог бы быть счастлив. А теперь тщетно ищу я в бесполезно прошедших годах чего-нибудь, что я мог бы припомнить с гордостью, или даже хоть чего-нибудь такого, на чем я мог бы остановиться с чувством удовлетворения... я бесплодно расточил свою жизнь»...

Глава IX

Борьба с препятствиями

Невзгоды — это алмазная пыль, которой
Небо шлифует свои драгоценные камни.

Лейтон.

Что такое поражение? Не что иное, как
воспитание; не что иное как первые ступеньки
к кое-чему лучшему.

Уэндель Филлипс.

Легкие победы дешевы. Лишь те имеют
цену, которые являются результатов упорной
битвы.

Бичер.

Когда человек оскорблен и унижен каким-нибудь обрушившимся на него злополучием, ему не мало нужно иметь мужества и душевной силы, чтобы искать в своем поражении элементов будущей победы. Однако это-то и отличает тех, кто достигает успеха, от тех кто оказывается в конце концов неудачником.

Первая крупная неудача молодого человека представляет большой интерес, являясь показателем его сил к достижению успеха и показателем всей его жизни. Тут интересна не неудача сама по себе, а — то, как он отнесется к своему поражению. Бросит ли он начатое дело и схватится ли за что-нибудь другое или снова возьмется за то же самое с прежней решимостью.

За того человека, который не падает духом от неудач, нечего бояться.

Неудача является заключительным испытанием стойкости и твердости человека. Она или раздавливает жизнь, или сплачивает ее.

Люди, которые обходят холм затруднений вместо того, чтобы осилить его, — люди, которые никогда не обременяют себя трудными задачами и скользят через трудные места, вместо того, чтобы одолевать их, — такие люди никогда не приобретают ни силы, ни искусства.

Как хорошие моряки вырабатываются бурями, так и сильные, мужественные люди вырабатываются борьбой с препятствиями и затруднениями.

Наиболее верный способ одолеть неблагоприятные обстоятельства — это быть самому более крупным обстоятельством.

Человек может изменять и улучшать окружающую его обстановку; другими словами — он обыкновенно может участвовать в созидании той самой дороги, по которой ему предстоит шествовать в жизни.

С того момента, когда человек освобождается от противодействия, он зачастую, подобно поезду на смазанных маслом рельсах, перестает двигаться вперед.

Наши противники развивают в нас те самые силы, с помощью которых мы побеждаем их. Противодействие их имеет для нас такое же значение, как битвы дуба с бурями, — оно делает нас лишь крепче.

«Наш противник — наш помощник», сказал Эдмунд Берк: — «своим противодействием он заставляет нас знакомиться с нашим предметом во всех его разветвлениях, не позволяя нам быть поверхностными».

«Невзгоды и неудачи ведут к обнаружению талантов, которые при счастливых обстоятельствах лежат скрытые», сказал Гораций.

Писательница Гарриет Мартино, упоминая о крушении предприятия своего отца, сказала: «Если бы не эта потеря состояния, мы вели бы жизнь, обычную для провинциальных дам с небольшими средствами, т. е. занимались бы шитьем, мелочной экономией, и с каждым годом делались бы все уже; тогда как, будучи предоставлены, пока еще не было поздно, собственным силам, мы усердно и с пользой поработали, приобрели друзей, имя и независимость, много путешествовали в чужих краях и на родине, словом — действительно жили, а не прозябали».

«Самая действительная помощь, которую мы можем оказать пришедшему в отчаяние человеку», сказал Филлипс Брукс, «состоит не в снятии с него бремени, а в пробуждении у него энергии, необходимой для преодоления этого бремени».

Постоянная борьба, непрерывные стремления извлечь победу из неблагоприятных условий, есть цена всех великих деяний.

Истинно благородная жизнь никогда не бывает легка. Едва ли найдется хоть одна великая истина или учение, которым не приходилось бы пробивать себе путь к признанию через клевету, злословие и преследование.

«Всюду», сказал Гейне, «где великая душа дает исход своим думам, оказывается и Голгофа».

«Когда лютой ветер невзгоды дует на вас», говорит Бичер, «не опускайтесь трусливо у дороги и не сворачивайте со своего пути ради минутной теплоты и защиты, а бодро идите вперед, преодолевая затруднения и препятствия. Если когда уместно быть самолюбивым, то

это не тогда, когда быть самолюбивым легко, а тогда когда это трудно».

Человек — не неудачник, если он правдив и честен. Никакое дело — не неудача, если оно справедливо. Мы делаем лучшее, что можем, когда отчаянно боремся за достижение того, чего жаждет наше сердце.

«Не неудачник тот, кто умирает за великое дело», говорит Байрон.

Смерть не прекращает влияния тех, кто честно боролся изо всех сил ради достижения справедливой цели. Спустя века их голос все еще слышен и побуждает нас делать возможно большее из нашей жизни.

«Возможна лишь одна действительная неудача в жизни, и это — не быть верным лучшему, что человек знает», сказал Фаррар.

Глава X

Энтузиазм

Молодо ли ваше сердце? Если нет, едва ли вы годитесь для хорошей работы.

«Единственное решающее доказательство искренности человека», говорит Лоуэлль, — «это отдавание им себя за принцип. Деньги и все другие вещи сравнительно легко отдать».

«Нет ничего столь заразительного», сказал Бульвер, «как энтузиазм. Это — гений искренности, и без него истина не одерживает побед».

«Каждый великий момент в истории мира есть торжество чьего-либо энтузиазма», сказал Эмерсон.

«В жизни бывают важные моменты», говорит А. Бойд, «в которых разница между половиной сердца и целым сердцем как раз и составляет разницу между полным поражением и блестящей победой».

Гладстон сказал, что необходимо лишь пробудить дух в юноше и что в каждом имеется материал для хорошей работы в мире, даже в тех, которые тупы. Если в них будет лишь пробуждено рвение, тупость день за днем будет сходиться с них под его влиянием.

Какую работу каждый мог бы совершить в мире, если бы только он знал свои силы! Но, подобно взнузданной лошади, человек не сознает своей силы, пока он хоть однажды не понесет.

Энтузиазм самому сухому и неинтересному предмету или занятию придает новый смысл. Под влиянием великой мысли или великого чувства слабый делается сильным, робкий — храбрым, непостоянный — решительным.

Равнодушие никогда не вело армии к победам и никогда не совершало ничего великого.

«Лучший метод дается увлечением», сказал Сальвини.

Только мысли, облеченные в жгучие слова, могут разжечь ту искорку, которая тлеет в сердце другого. Тихий ручеек доводов может течь через мозг и не оставить никакого следа. Пусть доводы обрушатся подобно водопаду — и тогда они сметут перед собой все препятствия.

Самое непреодолимое очарование юности — это кипучий энтузиазм. Юноша не видит ничего мрачного впереди, никакого ущелья, из которого не было бы выхода, и верит, что человеческий род в течение всех этих столетий ждал его появления для доставления им торжества правде и добру.

«Большинство прекрасных произведений всех искусств было сделано в юности», говорит Рескин. «Почти все великое было сделано юностью», писал Дизраэли.

Это энтузиазм юности рассекает Гордеевы узлы, которые старость не может развязать.

«Поостережемся утрачивать наш энтузиазм», говорит Филлипс Брукс. «Будем всегда стремиться к сохранению нашего восхищения всем, что облагораживает, и нашего интереса ко всему, что обогащает и украшает нашу жизнь».

Если энтузиазм непреодолим в юноше, то насколько неотразимее он, когда его уберегут до старости!

Платон умер за писанием восьмидесяти одного года. Том Скотт начал изучать еврейский язык на восемьдесят шестом году. Джемс Уатт выучился по-немецки восьмидесяти пяти лет. Мистрис Сомервил закончила свою «Молекулярную и Микроскопическую науку» восьмидесяти девяти лет. Гумбольдт закончил свой «Космос» девяноста лет, всего за месяц до своей смерти. Галилей в семьдесят семь лет, слепой и ослабевший, работал каждый день, приспособляя принцип маятника к часам. Некоторые из лучших произведений Лонгфелло, Уитера и Теннисона были написаны ими после достижения семидесяти лет. Ной Уэбстер изучил семнадцать языков после исполнения ему, пятидесяти лет. Венъямину Франклину перевалило уже за пятьдесят, когда он принялся за изучение наук и философии.

Цицерон хорошо сказал, что люди подобны вину: плохие от времени прокисают, а хорошие — улучшаются.

Не допускайте, чтобы изречения низменной практической мудрости, ежедневно раздающиеся кругом вас, заглушали ваши благородные стремления.

Внушать вашим рукам, что делать, должно ваше сердце, иначе работа будет плоха. Рука не может достигнуть выше, чем сердце. Человек никогда не достигает выше своих обычных дум.

«Укажите мне довольного раба», сказал Берк, «и я укажу вам падшего человека».

Наши стремления — предсказания нашего назначения. Каковы идеалы или стремления человека, такова будет и его жизнь.

Действительный успех или неудача жизни определяются качеством наших стремлений. Человек может стремиться к тому, чтобы быть лучшим бильярдным игроком, лучшим ездоком, лучшим игроком в карты или самым хитрым дельцом; он может возвыситься до приобретения известности в своей профессии, но наивысшая доступ

ная ему при этом высота будет ниже уровня неуспеха того человека, который выбирает честное, полезное занятие.

Стремление ставить на первое место интересы других людей есть самое высшее, какое мы только можем иметь.

Глава XI

Привычки

От хороших привычек проистекают бесконечное благо.

Платон.

Из мозга в сущности ничто не изглаживается, что мы когда-нибудь делали. Мы можем, пожалуй, «не считать» тех или других наших поступков, но они от этого нисколько не менее считаются нашей нервной системой.

После каждого нашего поступка мы оказываемся не тем же лицом, каким были до этого: к ценности нашего характера что-нибудь прибавляется или из него что-нибудь вычитается.

Если человек сделал какую-нибудь вещь однажды, то во второй раз совершение ее будет легче, а с течением времени — и совсем легко.

Гиппократ говорит, что «слабый старик может выполнять тяжелый труд, к которому он привык, с большей легкостью, чем непривычный молодой человек, как бы ни был он силен».

Если мы ежедневно повторяем в один и тот же час какой-нибудь род умственного усилия, то, наконец, находим, что мы приступаем к нему ненамеренно при наступлении этого времени.

Человек делается рабом своих постоянно повторяемых действий. Вопреки возражениям его ослабевшей воли, приученные нервы продолжают повторять действия, даже когда деятель гнушается ими. Что он вначале выбирал добровольно, к тому он под конец принуждается.

Усвоение привычки подобно установке швейей стежка на швейной машине или установке механиком резца на строгальном станке, — после этой установки остальное делает уже сама машина. Усвоив однажды привычку, человек поступает затем хорошо или дурно уже машинально.

Главная цель воспитания — воспользоваться указанными свойствами нашей нервной системы к нашей выгоде. Для этого мы должны возможно раньше сделать привычным возможно большее количество полезных действий и всеми силами ограждать себя от усвоения таких привычек, которые способны послужить нам во вред.

«Противься начинанию», гласит одно древнее изречение. Безрассудство ребенка делается пороком юноши и затем — преступлением взрослого человека.

Каждый человек хорошо понимает зависимость последнего шага от первых в жизни любого человека, кроме своей, почему-то полагая, что его личные маленькие уловки и плутни не могут сделать его лжецом и неблагоприятно отразиться на его жизни.

Тот период жизни, когда образуются привычки, имеет решающее значение. Что вложено в начальную часть жизни, то вложено во всю жизнь.

В зависимости от того, образовалась ли каждая отдельная привычка основательно или небрежно, работа всей жизни человека оказывается образцовой или топорной работой.

«Привыкайте», говорит Джон Тодд, «все делать основательно. Привычка спешить крайне вредна, так как приучает человека к небрежной работе».

Для человека средних лет привычка является в сущности судьбой, потому что разве это не несомненно, что то, что я делал в течение двадцати лет, я повторю и сегодня? В самом деле, много ли надежды для человека, бывшего, положим, ленивым и бездеятельным в течение всей жизни, с завтрашнего утра сделаться трудолюбивым и деятельным?

«Весь характер человека может быть понят в его привычках», говорит Джон Тодд.

Люди беспечно или шутя привыкают к таким выражениям или действиям, которые ставят их зачастую в неловкое или смешное положение.

Доктор Джонсон, например, усвоил привычку дотрагиваться до каждого столба, мимо которого он проходил по улице, и эта привычка так укоренилась у него, что если он, случалось, пропускал один столб, то чувствовал беспокойство и раздражение, пока не возвращался назад и не дотрагивался до пропущенного столба.

«Вы не можете в любой данный момент внезапно и единичным усилием сделаться правдивым, если привычкой всей вашей жизни была неискренность», говорит Ф. В. Робертсон.

Остерегайтесь «маленьких грехов» и «невинной лжи».

Человек бывает потрясен, когда внезапно открывает, что его считают лжецом. Он никогда и не подозревает об образовании у него такой привычки; но его маленькие извращения в видах достижения временных целей сделались совершенно незаметно для него самого, настолько свойственны его натуре, что ложь стала для него почти физической потребностью. Он лишь путем мучительных усилий в каждом отдельном случае мало-помалу может разделаться с той привычкой.

У некоторых людей привычка говорить правду так укоренилась, что сделалась их натурой, и их характер носит неизгладимый отпечаток искренности.

Привычка доброжелательства может быть приобретена так же, как и всякая другая.

Подобно тому, как разнообразные движения развивают мускулы человека, постоянные усилия могут развить умственную и нравственную его натуру.

Мы можем научиться жить благородно, лишь поступая благородно в каждом случае. Если вы уклонитесь от первого испытания вашего мужества, то ко второму вы окажетесь на сколько-то слабее, а если следующий и еще следующий случаи найдут вас неготовыми, то вы неизбежно погрязнете в низости.

«Среди длинного ряда общеупотребительных изречений», сказал Томас Гугз, «нет более отвратительного, чем то, что для молодого человека необходимо «перебеситься». Это чисто дьявольское изречение, так как мы пожинаем лишь то, что сеем, а потому при посеве семян порока получим и соответствующую жатву».

Глава XII

Здоровье

Здоровье — первое богатство.

Эмерсон.

Для того, чтобы жить долго, необходимо жить медленно.

Цицерон.

Старость охватывает дурно проведенную молодость, словно огонь — гнилой дом.

Соут.

Первое необходимое условие для всякого успеха — это здоровье. За редким исключением, главные призы жизни достаются на долю тех, кто силен и крепок физически.

«Довольно разнообразное знакомство с людьми, говорит Гексли, «заставляет меня с каждым годом придавать все меньшее значение способностям человека и все большее значение трудолюбию и физической выносливости. Я сильно склонен думать, что физическая выносливость представляет собой самое ценное качество, потому что одно трудолюбие, как желание упорно работать, не много стоит, если слабый организм не способен отвечать этому желанию».

Сильный ум в слабом теле приравнивали к великолепному клинку ножа, приделанному к непрочной рукоятке. Как бы ни был хорош закал клинка, как бы ни было остро его лезвие, однако, если нет средств для управления им, его ценность утрачивается.

Если у человека оказывается телесная слабость, недостаток физической бодрости, то это проявится в каждом написанном им письме, в каждой произнесенной им речи, словом — во всем, что он будет делать, и таким образом недостаток здоровья на каждом шагу будет являться препятствием его успеху.

В сохранении здоровья крупную роль играет трезвость. Гумбольдт, спрошенный о том, что, по его мнению, обеспечило его успех, написал в ответе: «Постоянная трезвость, сохраняющая тело и ограждающая его от болезней».

Потребление спиртных напитков сделалось просто проклятьем мира. Целые батальоны прекрасных молодых людей, подававших при вступлении в жизнь большие надежды, сметались долой водкой и ромом. Доктор Ричардсон, крупный авторитет в этой области, говорит, что алкоголь — самый коварный разрушитель здоровья и жизни.

Природа редко представляет свой счет в тот самый день, когда мы нарушаем ее законы. Она, например, не часто беспокоит человека со своим счетом за выпитые им спиртные напитки до достижения им среднего возраста, а затем предъявляет этот счет в виде брайтовой болезни почек, жирового перерождения сердца, болезни печени и проч. То, что человек платит за свои напитки буфетчику, составляет совершенно ничтожную часть расплаты за них.

Большое значение в сохранении здоровья играют также физические упражнения на открытом воздухе.

Но труд способствует сохранению здоровья еще в большей степени, чем даже упражнения. Не следует лишь доходить до крайностей и отказывать себе в достаточном отдыхе. Все, что мы совершаем посредством возбуждения усталого тела или ума, очень дорого обходится нам.

Природа не позволяет человеку удерживать у себя то, чем он не пользуется. «Употребляй или теряй — вот ее девиз. Если человек заключит свою руку в повязку и не будет пользоваться ею, то мускулы исчезнут с нее почти до самой кости и рука делается совершенно бессильной. Нечто подобное происходит и с мозгом при ленности и бездеятельности. Таким образом работа, доставляя надлежащее упражнение нашему организму, способствует сохранению им силы и бодрости.

Оставляя в стороне разные несчастные случаи, можно сказать, что продолжительность нашей жизни зависит от нас. Сенека сказал: «Боги дали нам длинную жизнь, а мы сделали ее короткой». Смерть от старости — крайне редкое явление; разве три или четыре человека на сто доживает до такого естественного конца.

От недугов, порождаемых поздним сидением по ночам, ненадлежащим питанием и другими формами невоздержанности, а также отсутствием физических упражнений, люди привыкли искать облегчения в лекарствах; тогда как единственное средство, которое действительно может здесь помочь — это соблюдение законов гигиены. Соблюдение их имеет немалое значение и для здоровья нравственного. Многие юноши делаются нравственно испорченными просто потому, что они незнакомы с чистым воздухом, холодной водой и физическими упражнениями.

Профессор Лоренцо Фаулер, доживший до восьмидесяти пяти лет, сообщил, что его правила в видах сохранения здоровья были таковы: «Работай серьезно, но спокойно. Избегай досады и раздражения. Живи не слишком напряженно и не выходи из пределов своих сил. Ешь три раза в день и путь твоя пища в значительной мере состоит из

фруктов, растительных веществ, яиц и молока. Совершенно откажись от всяких спиртных напитков. Никогда не употребляй табак ни в каком виде. Избегай крепкого чая и кофе. Помни, что опрятность сродни праведности. Ложись спать, когда чувствуешь усталость. Один день в неделю посвящай отдыху».

Юность обольщает себя мыслью, что она наделена здоровьем и силой «с избытком», и потому не бережет своих сил; но не следует забывать, что этого запаса сил, по-видимому, избыточного, должно хватить лет на семьдесят. Когда человек доживает лет до пятидесяти, а жизнь его получает свой наивысший интерес, он, как бы тщательно не сберегал до этого свои силы, никогда не находит, чтобы у него их было слишком много для того, что находится перед ним и достижения чего жаждет вся его душа.

Здоровье в сильной степени зависит от состояния мозга. Мозг, несомненно, имеет силу сохранять и поддерживать юность, силу и здоровье тела, обновлять жизнь и предохранять ее от упадка в гораздо большей степени, чем обыкновенно думают. Умственное развитие, поэтому, есть прекрасный восстановитель здоровья. Болезненность и физическая хилость часто являются просто результатом недостаточно здорового развития мозга.

Досада, раздражение, недовольство, зависть, ревность, злоба, нравственная распущенность, — все это так же пагубно сказывается на нашем организме, как яд; тогда как нравственная чистота, благородная жизнь, великодушие, бескорыстная любовь к людям, способствуют продлению жизни.

Для сохранения здоровья очень важно также, чтобы наше занятие было нам по душе. Когда наша работа раздражает нас, когда мы чувствуем, что она неприятна нам, — трение стачивает нашу жизнь с ужасающей быстротой; когда же человек находит свое место в жизни и делает ту работу, которая ему нравится, он становится и здоровее и счастливее.

Глава XIII

Чтение

Единственный, истинный уравниватель в мире — это книги; единственная сокровищница, открытая для всех желающих, — это библиотеки.

Доктор Лангфорд.

Наилучшие книги, — книги, приносящие наибольшую пользу, — это те, которые заставляют нас наиболее сильно работать головой во время чтения и которые наиболее волнуют нас, воодушевляя к более благородным целям.

От такого чтения, при котором голова остается в бездействии, ум ослабевает; бездеятельное чтение постепенно лишает его эластичности, и в конце концов мозг делается вялым, ленивым и несклонным браться за трудные задачи.

Чтение и мышление — гимнастика ума. Но бездеятельное чтение не более развивает наш ум, чем спокойное сидение в гимнастическом зале развивает наше тело. Ум должен иметь упражнения сильные, систематические, постоянные.

То, что вы читаете, читайте внимательно, если хотите увеличить ваш умственный рост. Извлекайте из книги всю умственную и нравственную суть и усваивайте ее. Люди, читающие механически, запоминают слова, шелуху вещей, но не усваивают ничего. Они пичкают свой мозг, но морят голодом свой ум.

Поспешное чтение, поверхностное чтение, обременяет память так, что она, наконец, утрачивает способность схватывать и удерживать.

Елизавета Баррет Браунинг сказала: «Мы делаем ошибку, читая слишком много и без всякого соответствия к тому, сколько мы думаем. Я убеждена, что я была бы мудрее, если бы я не прочла и половины того, что читала. Это чрезмерное чтение представляет собою крайний предел умственной лени».

Говорят, что известная писательница Мартино прочитывала лишь одну страницу в час.

Джозеф Кук советует молодым людям делать выписки из прочитываемых ими книг.

Эти выписки являются великой подмогой для памяти и приносят громадную пользу, особенно если они имеют отношение к нашей работе.

Вообще следует сильно рекомендовать усвоение привычки сберегать выборки из нашего чтения, — сберегать все, что по-видимому, может пригодиться нам в будущем.

Привычка заносить анализ или общий набросок книги или статьи вслед за прочтением их также необыкновенно ценна. Эта привычка создала многих крупных мыслителей и писателей.

Библиотека в доме — не роскошь, а необходимость. Дом без книг, журналов и газет подобен дому без окон.

Многие из наших мнений мы составляем по нашим излюбленным книгам. Писатель, предпочитаемый нами, является нашим наиболее влиятельным учителем; мы глядим на мир его глазами. Если мы обыкновенно читаем книги, возвышенные по своему тону, здравые по рассуждению и выдающиеся по глубокомыслию, — наш ум развивает в себе те же самые качества. Если, напротив, мы читаем слабые или порочные книги, наш ум перенимает их недостатки или пороки. Мы не можем избежать влияния того, что мы читаем, как не можем избежать влияния того воздуха, которым дышим.

Как нам следует знаться лишь с такими людьми, которые могут воодушевить нас к более благородным деяниям, так мы должны читать лишь такие книги, которые оказывают возвышающее влияние и побуждают нас делать наибольшее из нас самих и нашей жизни.

«Никогда не читайте книгу, которая вам не нравится», сказал Эмерсон.

«Биографии», говорит Горэс Манн, «особенно великих и добрых людей, которые возвысились собственными усилиями, представляют собой вдохновляющее и облагораживающее чтение. Их прямая цель — вновь произвести то превосходство, о котором они повествуют».

Глава XIV

Самообладание

Первая и лучшая из побед — это победа над самим собой. Не справиться с самим собой — самая позорная и низкая вещь.

Платон.

Пусть человек поддается своим порывам и страстям — и с этого момента он откажется от своей нравственной свободы.

Без самообладания ни один человек не может достигнуть прочного успеха в жизни. В самом деле, представьте себе молодого человека, который, пускаясь в жизнь с целью завоевать мир, находится по власти своих appetitов и влечений! Ведомый не может быть вождем. Ничто не может сделать устойчивой жизнь такого человека, который не владеет самим собой.

Страсти — это ветры,двигающие наш корабль вперед, а рассудок — это рулевой. Без ветра судно не может двигаться вперед, а без рулевого оно погибнет.

Гнев, подобно излишне выпитому вину, скрывает нас от нас самих, но обнаруживает нас перед другими.

«Гнев», сказал Пифагор, «начинается безумием и кончается раскаянием».

Проявление вами ярости по отношению к слабому человеку доказывает, что вы сами не принадлежите к людям сильным.

«Сохраняй хладнокровие в споре», говорит Джордж Гербер, «потому что запальчивость делает ошибку проступком, а правду — невежливостью».

Сила человека определяется величиной трех чувств, которой он подавляет, а не величиной тех, которая его подавляет.

Видали ли вы когда-нибудь человека, который, получив тяжкое оскорбление, лишь слегка бледнеет, закусывает свои дрожащие губы и затем спокойно отвечает? Видали ли вы человека, который в гневе, обуздавши себя, стоит как бы высеченный из камня? Вот это — сила.

Тот глупец, кто не может рассердиться, но тот мудрый человек, кто не хочет.

Чувствует ли человек когда-нибудь большую удовлетворенность собой, чем в то время, когда он выдержал внезапный и сильный вызов, не произнеся ни одного слова и даже не утративши хорошего расположения духа? С другой стороны, чувствует ли он когда-нибудь

более глубокое унижение, чем при сознании, что гнев заставит его изменить себе?

Добрая половина неприятностей жизни была бы устранена, если бы люди помнили, что молчание — золото, когда они раздражены или раздосадованы.

Чувствовать приступ раздражения или досады, когда наши нервы истощены, может быть, вполне естественно; но зачем облекать в форму речи это раздражение, которое, раз будучи высказано, останется в памяти и будет жечь подобно нарывающей ране? Не говорите ничего, когда вы чувствуете приступ раздражения, потому что вы почти наверное скажете слишком много; скажете больше, чем ваше более спокойное суждение одобрит, и скажете так, что потом пожалеете. Молчите, пока не почувствуете, что вполне владеете собой.

«Молчание», говорит Циммерман, — «самый надежный ответ на все нападки наглости, пошлости или зависти».

Когда Сократ замечал в себе расположение к гневу, он обуздывал себя, начиная говорить тихим голосом.

«Докажите мне», сказала миссис Олифант, «что вы можете владеть собой, и я скажу, что вы воспитанный человек; без самообладания же самовоспитание почти ничего не стоит».

Герберт Спенсер говорит, что «наиболее важное свойство человека, как нравственного существа, — это способность самообладания».

Большинство людей называют раздражительность небольшим недостатком, слабостью, а не пороком, тогда как не найдется ни одного порока, за исключением разве пьянства, который так сильно разрушал бы мир и счастье людей.

Раздражительность может испортить труд целых лет, и раздражительный характер омрачил репутацию многих великих людей, как, например, Эдмунда Берка и Карлейля.

Все мы склонны весьма легко относиться к нашим слабостям, упуская из виду, что как крепость цепи определяется самым слабым ее звеном, так и наша действительная сила определяется самой крупной нашей слабостью.

«Каждый человек имеет слабые стороны», сказал Мазон. «Каждый мудрый человек знает, в чем они у него заключаются, и наверное с удвоенной заботой будет оберегать их».

Ни у одного человека нет такого нрава, который от природы был бы настолько хорош, что не нуждался бы во внимании и сдерживании; но в то же время не найдется и характера настолько дурного, чтобы его нельзя было сделать приятным посредством надлежащего воспитания.

Сенека, один из величайших древних философов, сказал, что «мы каждый вечер должны призывать себя к такому отчету: какой недостаток я победил сегодня? Какой страсти воспротивился? Против какого искушения устоял? Какую добродетель приобрел?» Затем он высказывает глубокую истину, говоря, что «наши пороки исчезнут сами собой, если они каждый день будут подвергаться такому пересмотру».

Глава XV

Самоуважение

Будь сам своим другом, тогда будут и другие.

Шотландская поговорка.

Уважение человека к самому себе есть самая действенная узда против всех пороков.

Бэкон.

Китайцы говорят, что никогда не стоит уважать человека, который не уважает сам себя.

Если мир видит, что я не уважаю сам себя и в то же время предъявляю притязания на хорошее мнение обо мне других людей, то они вправе отнестись ко мне, как к самозванцу, так как самоуважение покоится на тех же основаниях, как и уважение к другим.

Мир имеет право относиться ко мне согласно моей собственной оценке. Мы отпечатываем на себе нашу собственную оценку и не можем ожидать большую. Когда вас вводят в общество, люди смотрят вам в лицо и в глаза, желая видеть, как вы цените сами себя. Если они увидят низкую оценку, с какой стати они будут утруждать себя исследованием, не оценили ли вы себя слишком низко. Они знают, что вы достаточное время прожили с самим собой и должны знать вашу собственную цену лучше, чем они.

Обыкновенно бывает безопасно доверять тем, кто верит себе.

Великие битвы жизни ведутся в сердце, однако мир узнает, когда наша высшая натура гибнет или одерживает верх. Мир узнает, когда стыд и позор сбивают долой чистое знамя добродетели и мужества и поднимают здесь свой собственный флаг, — узнает потому, что мы на самих своих лицах и в осанке носим отпечаток наших поражений и побед. Каждая наша мысль, каждое лелеемое нами стремление, оставляют неизгладимые следы на всей нашей внешности. Что мы думаем, тем мы и делаемся. Рано или поздно мы уподобляемся пище нашего ума.

Все наши чувства, поступки, сношения, победы, поражения, оставляют неизгладимые отметки на окнах нашей души и таким образом опубликовываются перед всем миром. Все лицо надевает траур в случае утраты человеком самоуважения.

«Выдающейся чертой генерала Гранта была его чистота», говорит Чайлд. «Я никогда не слышал, чтобы он высказал нечистую мысль

или сделал неприличный намек в какой-бы то ни было форме. Я никогда не слышал, чтобы он говорил что-либо такое, чего нельзя было бы повторить в присутствии женщин».

Однажды в союзном лагере один офицер, пожелав рассказать какую-то историю, предварительно осведомился, нет ли дам. Генерал Грант, оторвавшись от бумаги, которую он читал, и пристально глядя офицеру в глаза, медленно и выразительно проговорил: «Нет, но здесь есть джентльмены».

В другом случае, участвуя в обеде американцев в одном иностранном городе, генерал Грант, когда разговор перешел к сомнительным темам, разом встал и сказал: «Господа, прошу меня извинить, я удаюсь».

«Как каждая моя ошибка или безрассудство в моей прежней жизни являются для меня помехой», говорит Рескин, «так каждое совершенное мною добро, каждый проблеск справедливости в моем прошлом, находятся сейчас со мной и помогают мне в моей работе».

Сознание благородного прошлого дает нам уверенность и силу сегодня. Воспоминание о том добре, которое мы сделали, воодушевляет и ободряет нас к новым стремлениям в этом направлении.

Никогда не преследуйте ложь; оставляйте ее в покое и пускай она замирает сама собой.

«Я могу выработать хорошую репутацию гораздо быстрее, чем кто-нибудь может портить ее при помощи лжи», сказал Бичер.

Когда президент Андро Джаксон в первой речи в Вашингтоне упомянул, что он начал свою политическую карьеру в качестве ольдермена и прошел через все отрасли законодательной деятельности, один из слушателей прокричал: «из портных!» — «Какой-то джентльмен говорит, что я был портным», сказал президент, «это ни в малейшей степени не смущает меня, потому что когда я был портным, я пользовался репутацией добросовестного портного, всегда был аккуратен с моими заказчиками и всегда шил платье впору».

«Незапятнанное сердце не легко запугивается», сказал Шекспир.

«Одна добродетель поднимает нас выше надежд, страхов и случайностей», сказал Сенека.

Глава XVI

Благовоспитанность

Вежливость уподобляли надутый воздухом подушке, которая хотя ничего не содержит в себе, удивительно смягчает ваши толчки.

Джордж Л. Кэрн.

Внешность и вежливость играют большую роль в определении нашего влияния и нашей репутации.

Неумение держать себя часто подрывает влияние честности, трудолюбия и величайшей энергии. Многие люди могли бы удвоить свое влияние и успех при помощи доброжелательной вежливости.

Наше добро бывает меньшим добром, когда оно неуклюже и грубо.

Бросьте собаке кость, сказал один проницательный наблюдатель, и собака убежит с нею без виляния хвостом. Позовите ту же собаку к себе, потреплите ее ласково по голове и дайте ей кость из рук, и собака начнет от благодарности размахивать хвостом. Итак, даже собака и та, очевидно, понимает и ценит хорошую манеру доброго дела. Те, кто свои добрые дела как бы швыряет, не должны ожидать, что их милости будут подхватываться с благородной улыбкой.

«Лучше отказать в просьбе, чем удовлетворить ее грубо», сказал Честерфильд. «Манеры — самое главное во всем».

Утонченная вежливость с избытком возмещает все природные недостатки. Самым очаровательным лицом всегда бывает то, которое обладает наиболее привлекательным обращением, а не то, которое обладает наибольшей физической красотой.

Мирабо был одним из самых некрасивых людей во Франции; он, как говорили, имел «лицо тигра, изрытое оспой», но очаровательность его обращения была просто непреодолима.

Мадам де-Сталь отнюдь не красива, но она обладала тем неопределимым нечто, перед чем простая красота кажется заурядной и незначительной. Ее влияние над умами людей было так велико, что даже Наполеон побаивался ее и потому изгнал ее из Франции.

Эмерсон хорошо сказал, что «жизнь не настолько коротка, чтобы не нашлось всегда достаточно времени для вежливости».

Пробным камнем нашей благовоспитанности часто оказывается наше обращение с прислугой и членами нашей собственной семьи.

Генерал Грант обладал утонченной вежливостью, образчиком которой может служить следующий случай.

Одна нью-йоркская дама только что заняла место в вагоне поезда, шедшего в Филадельфию, как какой-то плотный мужчина, сидевший как раз перед ней, закурил сигарету. Дама закашляла и беспокойно задвигалась, но так как эти намеки не, произвели никакого действия, она колко сказала: «Вы, вероятно, иностранец, и не знаете, что для курения в поезде имеется особый вагон; здесь же курить воспрещается». Мужчина, ничего не ответив, выбросил свою сигару в окно. Каково же было изумление этой дамы, когда минуту спустя кондуктор сказал ей, что она вошла в частный вагон генерала Гранта. Она в сильнейшем смущении направилась к двери, с опасением глядя на неподвижную фигуру; но та же самая утонченная вежливость, которая побудила Гранта отказаться от своей сигары, была опять проявлена им в том, что он, очевидно, щадя чувства этой дамы, даже не взглянул на нее.

«Собственное хорошее воспитание», говорит Честерфильд», есть лучшая охрана против невоспитанности других людей. Оно накладывает отпечаток достоинства, которое уважается даже наиболее наглыми; невоспитанность же вызывает и устанавливает вольность обращения даже со стороны самых робких».

Истинно порядочный человек не может давать приют в своей душе таким чувствам, как мстительность, ненависть, злоба, зависть или ревность; потому что они отравляют источники духовной жизни и уродуют душу.

Порядочный человек мягок, скромен, вежлив, медленно оскорбляется и никогда сам не оскорбляет. Он не спешит предполагать зло и никогда не замышляет его сам. Он обуздывает свои аппетиты, облагораживает свои вкусы, сдерживает свои порывы и каждого другого человека считает таким же хорошим, как и себя.

Но хотя благовоспитанность и является необходимым качеством порядочного человека, она не определяет еще его характера. Простая вежливость никогда не может быть заменой нравственного превосходства.

Этикет есть лишь замена хороших манер и часто — лишь простая подделка их.

Высшее качество хорошего обращения — это искренность.

«Я пришел к заключению», говорит Бульвер, «что ничто не может создать хорошего воспитания там, где нет доброй природы».

Глава XVII

Честность и правдивость

Тот служит всем, кто имеет смелость быть правдивым.

Исаак Барроу.

Как на свете нет ничего выше человека, так в человеке нет ничего выше характера.

В. М. Эвартс.

Лучше не быть совсем, Чем не быть благородным.

Теннисон.

Если это несправедливо, не делай этого; если это — неправда, не говори этого.

Марк Аврелий.

Самое жалкое крючкотворство в мире — это крючкотворство человека перед судом своей совести.

Бичер.

Через сто лет от сегодняшнего дня какое значение будет иметь то обстоятельство, были вы богаты или бедны? Но все ли это будет равно, были вы честны или бесчестны?

Мир постоянно ищет людей, которые не продаются, которые честны вполне, которые будут стоять за справедливость, несмотря ни на что, и честность которых так же неизменна, как направление стрелки компаса. Мир нуждается в людях, которые не скажут, что они делают это «потому что все делают» и которые не могут счесть выгодным чего-нибудь такого, что нечестно.

Люди признанной честности являются совестью того общества к которому они принадлежат; их влияние — оплот хорошего правительства.

Если есть на свете сила, которая заставит почувствовать себя, так это — характер. Пусть будет недостаточная культура, посредственные способности, однако, если будет иметься характер безукоризненного качества, он обеспечит человеку уважение и влияние.

Характер — это наша готовность всегда поступать известным образом при известных обстоятельствах. Это — запасная сила, которая,

проглядывая во всех движениях человека, действует непосредственно одним своим присутствием.

В каждой стране имеются люди, которые пользуются влиянием, по-видимому, совершенно не соответствующим их способностям, при виде чего иные недоумевают, в чем заключается секрет их власти над людьми. Объясняется это их характером.

Эмерсон говорит: «Наш характер проявляется перед людьми помимо нашего ведома и желания. Люди воображают, что они обнаруживают свои свойства лишь путем сознательных действий, и не видят того, что их добродетели или пороки дают о себе знать каждую минуту».

Наше обращение, наш вид, наша осанка, рассказывают историю нашей жизни, хотя бы мы и молчали. Черное сердце отбрасывает на лицо черную тень, которую никакая сила воли не может согнать.

Человек вкладывает себя во все, что он делает. Если его личность мала, низка, пошла, — всякая его работа будет жалкой, его слова не будут иметь никакой силы и он не будет пользоваться никаким влиянием.

Художник, например, выставляя на выставке картины, в действительности, выставляет самого себя, так как в его произведениях, как в фокусе, отражается весь его характер. Пошлый художник не может написать возвышенную картину.

Шатобриан сказал, что он видел Вашингтона лишь один раз, однако это вдохновило его на всю жизнь. Один английский кожевник, изделия которого приобрели большую известность, сказал, что он не выделывал бы кожу так хорошо, если бы он не читал Карлейля. Говорят, что Франклин, будучи работником, преобразовал нравы целой мастерской в Лондоне.

Во время гражданской войны во Франции лишь один Монтэн держал ворота своего замка незапертыми и не подвергался никаким неприятностям. Его характер служил более надежной охраной, чем королевская стража.

Когда Петрарка приблизился к трибуналу, чтобы принять обычную присягу в качестве свидетеля, ему было заявлено, что суд настолько уверен в его правдивости, что от него не требуется подтверждения клятвой своего показания.

«Пусть законы твоей страны не будут высшим пределом твоей честности. Не думай, что всегда достаточно хорошо то, что допускается законом».

Будьте честны перед самим собой. Будьте честны не вследствие практических расчетов, а ради сохранения своего самоуважения.

«Лучшее упражнение для совести», говорит Джемс Фриман Кларк, «это твердо соблюдать честность в мелких вещах, где сосредотачиваются главные искушения к несправедливости. Сказать маленькую неправду, произнести маленькое слово недоброжелательства, обмануть в каком-нибудь весьма незначительном деле, — вот действительные искушения жизни, которые осаждают нас».

Человек, обучающийся всем «маленьким хитростям», неизбежно делается человеком с загрязненным умом.

В тот момент, когда человек начинает уклоняться, как бы ни было слабо, от истины, он вывихивает свою нравственную организацию и расшатывает само ее основание. Что бы ни думали о нем другие, сам то он будет знать, что он, по крайней мере в некоторой степени, обманщик и что имеется пустое место в том, что со стороны может казаться крепким и цельным. Каждая последующая ложь, будет она обнаружена или нет, произведет другой вывих и унесет другой камень, пока, наконец, в человеке не останется ничего, кроме оболочки, шелухи.

«Лицемер предпочитает скорее казаться хорошим, чем быть им, а честный человек предпочитает скорее быть хорошим, чем казаться им». — Уорвик.

«Истинно порядочный человек — это как бы цельное красное дерево, а человек этикета — это как бы изделие, лишь оклеенное фанеркой».

Помните, что главная цель жизни не делать, а сделаться, и что лучший и наиболее прочный плод деятельности — это характер.

«Человек существует для развития», говорит Гете: «не для того, что он совершает, но для того, что может быть совершенно в нем самом».

Стремитесь остаться в памяти людей не как великий юрист, доктор, ученый, но как великий ЧЕЛОВЕК, — человек во всех своих действиях.

Будьте сами таким, какими вы хотели бы видеть других; пусть ваши дела, а не ваши слова говорят за вас.

Глава XVIII

Веселость и доброжелательство

Беспокойство никогда еще не было в состоянии перекинуть моста через какую-нибудь пропасть.

Ряффины.

Против каждого зла на земле или есть средство или нет. Если оно есть, постарайтесь найти его, а если средства нет, не горюйте об этом.

Веселое расположение духа есть душа успеха.

Матьюс.

Тот горюет более, чем нужно, кто горюет ранее, чем нужно.

Сенека.

«Веселое, ясное расположение духа», сказал Шиллер, «есть источник всего благородного и доброго. Все, что свершается величайшего и благороднейшего на свете, вытекает из такого расположения. Мелочные, мрачные души не способны схватывать самые святые моменты жизни».

Всегда где-нибудь сияет солнце, и мужественный человек будет бодро шествовать по своему пути, удовлетворяясь надеждой на будущее, если сейчас он находится под тучей

Веселый человек — по преимуществу человек полезный. Он не суживает своего ума и не смотрит на людей и на вещи односторонне. Он знает, что на свете много несчастья, но это не составляет правила жизни.

Беспокойство портит работу человека. Никто не может выполнять работу наилучшим возможным для него образом, находясь под влиянием душевного беспокойства.

Тот, кто выработал себе привычку смотреть на светлую сторону вещей, имеет громадное преимущество перед тем человеком, который ни в чем не видит ничего хорошего.

«Веселость», сказал Гудрич, «не в пример всем другим добродетелям оплачивается немедленно. Она крайнюю простоту делает привлекательной, поддерживает здоровье и придает ясность и силу уму».

Доктор Маршалл Галль часто прописывал своим пациентам «веселость», говоря, что она гораздо лучше всего того, что может быть получено в аптеке.

Лондонский медицинский журнал «Ленкет» дает следующий отзыв о важности хорошего расположения духа: «Это свойство «хорошего настроения» вопрос высокой важности для больных и слабых. Для первых оно может означать способность выздороветь, а для последних возможность жить, несмотря на недуг».

«Я постоянно стараюсь оградить себя от недугов и других зол веселостью», сказал Стерн. «Я убежден, что каждый раз, когда человек улыбается и еще более когда он смеется, он несколько увеличивает этим запас своей жизни».

Д-р Рэй, заведующий Бутлеровской лечебницей для душевнобольных, говорит в своем отчете: «Для умственного здоровья сердечный смех более важен, чем какое-либо упражнение мыслительных способностей».

Мы еще не усвоили, что печаль, беспокойства и страх представляют собою великих разрушителей «человеческой жизни и что, поэтому, мы должны бороться с ними, как с чумой. Без веселости не может быть здоровой деятельности, потому что веселость составляет нормальную атмосферу нашего бытия.

«Людей убивает не работа, а забота», сказал Бичер. «Работа здорова, но забота — это как бы ржавчина на лезвие».

День душевного терзания более истощает чем неделя труда. Труд поддерживает нашу систему в здоровье и порядке, а душевное мучение приводит ее в полное расстройство.

«Человека обыкновенно подламывают не заботы сегодняшнего дня, а заботы завтрашнего», сказал Джордж Макдональд, «так как для нужд сегодняшнего дня мы располагаем надлежащими силами».

«Не предвкушайте неприятностей заранее», сказал Франклин, «не мучайтесь по поводу того, чего может быть никогда и не случится. Надейтесь на лучшее».

«Как дорого обходились нам те беды, которые никогда не случались!» — воскликнул Джефферсон.

Чарльз Кингсли сказал: «Я не знаю ничего, что уродовало бы человека более, чем душевное беспокойство».

Светлый, веселый человек создает вокруг себя веселый мир. Раздражительный, язвительный, мрачный человек создает вокруг себя мир, являющийся отражением его собственных качеств. Некоторые люди обладают способностью создавать лето всюду, куда они явля

ются. Они возбуждают довольство и радость в каждом, кого они встречают.

«Когда Диккенс входил в комнату», говорит один из его близких знакомых, «это походило на воспламенение в камине большого огня, около которого каждому было тепло».

Человек без веселости подобен экипажу без рессор, в котором чувствуешь неприятные толчки от каждого камня, попадающего под колеса.

«Если бы мы могли прочесть секретную историю наших врагов, — говорит Лонгфелло, — мы нашли бы в жизни каждого человека достаточно горя и страдания для обезоруживания враждебности».

«Я никогда не слышал о таком преступлении, которого не мог бы совершить сам», — сказал Гете,

Гораздо легче замечать недостатки других, чем избежать их самому. Чужое бремя кажется нам очень легким и мы — мастера для всех бед, кроме наших собственных».

Бичер сказал: «когда говорят об отсутствующем человеке, то некоторые говорят о нем золото, некоторые — серебро, некоторые — железо, некоторые — свинец, а некоторые всегда говорят грязь, потому что злобны по своей натуре. Если вы принадлежите к числу таких людей и если вы желаете знать чувства дьявола, то вам следует для этого лишь заглянуть в свое сердце».

Одна из величайших ошибок жизни — это приберегание наших улыбок, наших ласковых слов и нашего сочувствия для другого времени, чем настоящая минута, и для других людей, чем те, которые, в настоящее время окружают нас. Это служит главной причиной наших сожалений при обзоре нашей прошлой жизни.

«Если одно или два ласковых слова могут доставить человеку радость, — сказал один француз, — то нужно быть жалким созданием, чтобы не произнести их. Это подобно зажиганию чужой свечи о вашу, которая несколько не теряет в своей яркости от выгоды, полученной другим».

Добрые слова, роняемые нами в каждую трещину и опустошенное место чужой жизни, ничего не стоят нам, но они могут пустить росток счастья и ободрить измученную душу.

«Если вы ежедневно сделаете счастливым лишь одного человека», приводит слова одной газеты Сидней Смит, «то в течение сорока лет вы сделаете счастливыми хоть на время 14600 человек».

На гробнице Эдуарда Доброго помещена следующая надпись:

«Что мы отдали — мы имеем;

Что мы истратили — мы имели;

Что мы оставили — мы потеряли».

Рассыпайте ваши цветы, где вы сейчас идете: вам никогда уже не придется идти тою же дорогою опять, а если бы и пришлось, то эти цветы, цветущие сегодня, к тому времени завянут.

Глава XIX

Наша жизнь — такова, какой мы делаем ее

Мы должны носить прекрасное с собой, или не найдем его нигде, хотя бы странствовали в поисках за ним по всему миру.

Эмерсон.

Когда человек не находит покоя в самом себе, для него бесполезно искать его где-нибудь в другом месте.

Французская пословица.

Человек недобродетельный никогда не может быть счастлив.

Эпикур.

Когда жизнь бывает загублена ради денег, эта загубленная жизнь нисколько не заботится о деньгах.

Японская пословица.

Вы недовольны сегодняшним успехом? Но это — жатва вчерашнего посева. Вы мечтаете о золотом завтра? Вы пожнете лишь то, что сеете сегодня.

Мы получаем от жизни как раз то, что сами вносим в нее, и мир является для нас тем, чем мы являемся для него. Мир служит как бы зеркалом, отражающим наши лица. Если мы приветливы и улыбаемся, он отражает приветливое, сияющее лицо; если мы злы, раздражительны, высокомерны, он опять-таки отражает точную копию нас. То, что мы говорим о других, другие говорят о нас. Мы не найдем в мире ничего, чего не нашли бы сперва в нас самих.

Если я доверчив — мне доверяют; если я люблю — меня любят; если я ненавижу — меня презирают. Каждый человек, являясь как бы магнитом, притягивает к себе сродные элементы и, в конце концов, бывает окружен своим особым миром, хорошим или плохим, подобно ему самому.

Гуипл говорит, что легкомыслие, невежество, порочность и мелочность человека создают несокрушимую стену между ним и всем глубоким, мудрым, добрым и великим.

Наша будущность определяется нашими стремлениями. Для человека, не имеющего великих стремлений, не может быть светлых надежд, светлого предвидения. Скажите нам намерения человека, его цель, и тут будет истолкование его самого и его судьбы. Как будущий дуб заключается в желудке, так в настоящем лежит наша будущность. Наш успех будет и может быть лишь естественным произрастанием из семян нашего собственного посева: количество и качество его плодов будет зависеть от питания, воспринятого им от нашего настоящего и прошлого.

Кузнец превращает кусок железа стоимостью в пять рублей в подковы и получает за них десять рублей. Ножовщик превращает такой же кусок железа в ножи и получает двести рублей. Механик превращает то же количество железа в иголки и получает шесть тысяч восемьсот рублей. Часовщик, превращая это железо в заводные пружины, получает двести тысяч рублей, а превращая в пружины волоски, получает два миллиона рублей или, иначе говоря, в шестьдесят раз больше, чем сколько стоит то же количество золота.

Из одного и того же материала один строит величественные здания, а другой — лачуги. Нечто подобное происходит и с нашей жизнью, материал которой дается нам при рождении.

У врат жизни каждый человек находит как бы глыбу чистейшего мрамора (время), резец и молоток (способность и благоприятные случаи), предоставленные в его распоряжение невидимой рукой. Делать что-нибудь с этим материалом мы неизбежно должны. А будет ли глыба мрамора отесана в простую тумбу или в прекрасную статую — это зависит уже от работника. Один человек перерабатывает свой материал в предметы пользы и красоты; другой же портит и уродует свой материал без всякого смысла и цели, пока, может быть, уже в поздней поре жизни не возьмется за ум и не начнет слаживать разбитые и испорченные куски.

«Началась ваза, но почему она с дальнейшим движением гончарного колеса превращается в простой кувшин?» — Гораций.

По-видимому, нет ничего легче, как обеспечить себе счастье при помощи денег, но самые богатые люди мира служат наглядным доказательством противного: недовольство жизнью есть преимущественно грех людей, хорошо обеспеченных.

Франклин сказал, что деньги никогда еще не делали человека счастливым; в них нет ничего такого, что могло бы дать счастье. Чем больше человек имеет, тем больше он желает. Вместо заполнения пустоты, деньги создают ее.

Стоит ли тратить все свои способности на погоню за наживой? Неужели на свете нет более желательных вещей, чем золото, роскошь и покой?

«Жажда золота», сказал Байрон, «этот порок нищих, может овладеть лишь самыми низкими сердцами».

Может быть эта жажда овладевает иногда и благородными сердцами, но сама борьба из-за стремления к богатству почти неизбежно сопровождается нравственным падением, так как человеку при этом зачастую приходится подавлять в себе благородство и пятнать свою душу.

Человек, не имеющий денег, беден, но тот, кто не имеет ничего, кроме денег, несравненно беднее. Существуют умственные и душевные богатства, и действительное богатство человека определяется тем, каков он есть, а не тем, что он имеет.

Что может быть печальнее зрелища, чем старик, истративший всю свою жизнь на накопление богатства, и заглушивший в себе при этом все благородные чувства?

Человек, употребляющий всю жизнь на погоню за богатством, похож на того человека, который, найдя монету на дороге, всегда стал ходить с тех пор, опустивши глаза в землю, в надежде найти еще монеты. И он находил. В течение своей жизни он нашел еще несколько золотых и серебряных монет; но в течение всего этого длинного ряда лет он не видел ни голубого неба над собой, ни прекрасной природы вокруг. Он умер стариком, для которого весь мир представлялся в виде грязной дороги, на которой кое-где попадаются монеты.

Все мы живем на гораздо более низком уровне, чем нам следовало бы жить. Мы томимся на туманных и мрачных низинах, тогда как могли бы взобраться на залитые солнцем холмы. Мы получаем в свои руки книгу жизни, каждая страница которой искрится разоблачением великих тайн, но в погоне за наживой мы выпускаем эту книгу из рук непрочитанной.

«Счастье и себялюбие не могут процветать на одном и том же стебле».

Мы можем быть несчастны среди побед и счастливы при поражении. Благо тому, чей источник счастья лежит в нем самом.

Вы никогда не сможете извлечь из себя наибольшую пользу без великого мотива, — мотива, который связал бы вас с человечеством. Будьте частью великого дела, если хотите сделать из себя наилучшее употребление.

Не найдется человека, настолько незначительного, чтобы он не мог сделать свою жизнь великой при помощи возвышенных стремлений.

Все мы способны выполнять что-нибудь такое, что может увеличить сумму человеческого счастья и сделать мир более хорошим и более светлым, чем мы его нашли.

Каждый раз, когда мы бескорыстно работаем для других, это доставляет нам частицу счастья.

Жизнь, не низка, она величественна; если же она низка для кого-нибудь, то это он сам сделал ее такой.

Имейте своею целью содействие наступлению лучших времен для человечества — и лучшие времена наступят. Люди, чающие великих вещей, являются благодетелями человечества.

Воспоминание о загубленных годах не должно висеть на нашей шее подобно мельничному жернову. Пока мы желаем лучшего, мы все еще имеем в запасе силу, необходимую нам для достижения того, чего мы желаем.

«Если мы хотим увидеть звезду нашего назначения», сказал Фаррар, «то для этого нам следует заглянуть в наше сердце».

Сдано в набор 20.09.90. Подп. в печать 2.01.91 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура литерат. Печ. л. 5. Тираж 200 тыс. (1 завод-1 — 100 тыс.)
Цена 3 р. 90 к. Зак. 344

Полиграфическое предприятие „Чертановская типография” МГПО
„Мосгорпечать”. 113545, Москва, Варшавское ш., д. 129а.